

Рена ЖУМАНОВА

ЗАМЕТКИ НА ЧЕРЕПКАХ

Рассказ

Когда лежишь без движения много-много дней подряд, в голову невольно начинают лезть всякие мысли. Слава богу, и голова моя, и правая рука остались целы, да и позвоночник в порядке. Я, можно сказать, легко отделалась. Персонал больницы понимал мой школьный инглиш, и мне без особого труда удалось раздобыть приличный блокнот и несколько ручек. Попытки отблагодарить, сунув пару долларовых десятков сестре Сон прямо в карман, были восприняты плохо. Сестра нахмурилась и отрицательно мотнула головой. Ах, сорри, ну да, чего же это я, как дома... Вручая мне орудия моего будущего труда, Сон посоветовала не переутомляться. Можно было бы писать в телефоне, но вредно для глаз. И телефон отвлекает. Того и гляди, полезешь в Инстаграм, Фейсбук, повадишься проверять почту по двадцать раз на дню... А писанина сама по себе чисто технически полезна. Что-то там развивает, чему-то там препятствует. Одно дело – тыкать в сенсорный экран, и совсем другое – по старинке, этак по олдскульному, выводить буквы на бумаге... В эпоху, когда и бумажные журналы у нас ушли в небытие, замененные электронными, писать от руки – нечастое и весьма полезное удовольствие даже для преподавателя. Так что, эту повесть я пишу от руки. Будь я не на чужбине, а у себя, меня отвлекали бы разговоры. Но прочный языковой барьер – в чем-то хорошая штука: иноязычная речь журчит, как вода в батареях центрального отопления во время опрессовки, не задевая, не нарушая твоих собственных мыслей. Я постараюсь быть не очень болтливой в своих записках. Конечно, я помню эту его любимую шутку про краткость, сестру таланта, но тещу гонорара. Тому же, кто пишет для себя, строку гнать резона нет...

Кому из нас не мечталось однажды круто изменить свою жизнь? Кого не манила муза дальних странствий? Кто из тихих домашних человечков не хотел бы вдруг совершить нечто авантюрное? С годами нас прочно утяжеляет накопленный балласт. Но вот в юности... Вопрос работы за рубежом не раз и не два возникал в моих буйных девичьих фантазиях. Но дальше этих романтических бредней дело не шло. Хотя, нет, как-то по молодости звонила я по объявлению. Прямо вот набралась храбрости, закрылась в своей комнате, сняла трубку и позвонила с домашнего телефона, который протащила с собой из коридора. Других тогда еще не было. Хотелось мне во Францию. Но на работу в семье я не претендовала. Всякое ведь пишут об этом... Вдруг хозяйка маньяки какие там, или еще что. Чего-нибудь бы другое... Чтоб среди людей, с другими работягами вместе. Виноградники Луары? Смешно. Это всё для крепких парней. Зато официанткой на Лазурный берег меня взять были не против. Причем, гораздо больше, чем знание соискателем языка иной страны, их волновали вопросы экстернера.

– Внешние данные у вас как? Рост? Вес?

– Ну, как. Хорошие... нормальные данные. Рост метр семьдесят. Вес – пятьдесят три где-то...

– Ну и отлично.

– А зачем вам мои внешние данные? Это случайно не набор в проститутки под прикрытием?

– Что вы, девушка! Вы понимаете, какая клиентура там?! И сколько желающих поработать в разгар сезона! Людям ведь приятно, когда их на отдыхе обслуживают *красиво!* И красивая услуга!

– Мм. Ну да, ну да. А зарплата?

– Там по тарифу. И плюс чаевые, а это уже будет зависеть только от вас.

В общем, поговорили в таком духе. Но никуда я, естественно, не поехала. Не хватило. Чего? Смелости, отвязности, решимости.

Мурат, кстати, тоже рассказывал, как после армии чуть не завербовался во французский иностранный легион. И тоже – по газетному объявлению.

– Разве это не из области прошлого, французский-то легион?

– Нет, это мы тут так думаем... Ты, поди, что-нибудь из Мопассана вспомнила? – Мурат хохотнул.

– Именно. Чёт нас с тобой на Францию тянуло-то?

– Ну... Бывает же. И встретились бы там. Судьба ведь. Её не обойдешь.

Да. Именно судьба, не иначе, и привела Мурата в нашу школу спустя годы после наших с ним параллельных поползновений. Директриса меня в учительской выловила и ему подсунула. Вот, говорит, побеседуйте с коллегой из «Учительского вестника». Расскажите о конкурсах и олимпиадах, наших лауреатах. А мне, мол, некогда, у меня финансовая проверка на носу.

Существует расхожее мнение. Хороших девочек, типа, тянет исключительно к плохим мальчикам. Не знаю, что в этом триумфе не сработало по отношению ко мне? Или я была не так хороша, как мне казалось? Итак, Мурат. Слушал внимательно. Вопросы ставил уместные, точные. Человек в теме. Говорил хорошо. Разумный такой, спокойный. Мужественный. Интеллигентный. В общем, стали мы с ним встречаться. Конфеты-букеты. Потом поженились. Потом... Потом... Жили-поживали, да добра наживали. Дочку вырастили, на учёбу отправили в столицу. Поднатужились, взяли ей там однушку-студию по долевному участию. В ипотеку впряглись, понятное дело. О завтрашнем дне думали. Всё было стабильно. Как в том анекдоте. Про то, что вчера была Ж, сегодня Ж, завтра уж наверняка будет Ж – ситуация стабилизируется. Но тут вдруг всё как-то покатило в тартарары. Опротивела мужу его работа. Настал предел. «Всё, не могу и не хочу больше продолжать эту игру». Сказал – сделал. Засел дома, просматривал вакансии. Но ничего подобрать не мог. В менеджеры по продажам идти как-то несолидно. Таксовать? Это можно, но до пенсии на этом не протянешь... А кредит-то выплачивать сейчас надо. А одной мне не потянуть. И тогда я поняла, что надо придать кое-кому ускорение. Иначе засидится, зачахнет совсем.

– Годы наши не молоденькие, – говорю мужу за ужином, – но, видать, придётся тебе выйти из зоны комфорта.

Мурат тогда аж жевать перестал.

– В смысле?

– Почему бы тебе не поехать в Корею?

Муж затравленно глянул исподлобья, опустил глаза и продолжал молча поглощать пищу.

– Чего молчишь-то? Не нравится вариант? Предложи свой.

– Ты почему же мне сам не сообщил? Почему я узнаю о твоей болезни от чужих?

– Думал как-то скрыть, чтоб зря не волновать тебя. Думал, обойдусь своими силами... я же крепкий, не болею почти никогда. Но тут что-то скрутило меня. На сквозняке стоим. Вот и продуло.

Думал он... Хорошо, что думал. Былое и думы... Думать-то – это мы умеем. Чего другого – это еще как посмотреть, но уж дум у нас – вагон и маленькая тележка. Побежала по аптекам, накупила всего. И кто там ему уколы делать будет? Сам себе ставить не сможет. Мне вот приходилось самой справляться, а у него так торс не выворачивается. Да и вообще... Известно, как он болеет. Лежит плашмя, а воды себе налить или нос физраствором промыть – на это ни желания, ни сил у него нет. Говорят, все мужчины такие. В болезни как дети малые. Всё им подай, принеси.

Ну, Кайрат уколёт. Внутримышечно не проблема ведь. Кое-кто и внутривенные себе ставит, и ничего. Пакет лекарств с оказией передала, там один из наших местных уезжать собрался, Саулеха мне сообщила, контакты дала. И как это у людей всё легко и просто?

Откуда ж мне было знать, что там под боком у благоверного моего мать Тереза окажется. Подвернётся в нужный момент. Вот та самая «Тереза» и не растерялась. Схватила, что плохо лежит...

Саулешка мне всё-всё разболтала. Она из тех баб, кого хлебом не корми – дай потоптаться на чьем-нибудь пепелище. Такие под видом сочувствия, вздыхая и извиняясь, наносят тебе удары тупым ножом. Скребут по больному месту. Всё выложила мне моя неприятельница. И что ТА – тоже, по странному совпадению, учительница музыки, и что из Семья, и что незамужняя в тридцать лет...

– Кайрат говорит, она не виновата. Он сам её попросил помочь с уколами. Нехорошо получилось, в общем...

Положив трубку, я тогда впала... нет, не в панику. В раздумья. Что делать? Мурат в разговорах со мной был ровен, как обычно, спрашивал про дочь. Про работу мою. Говорил, что уколы соседи по квартире помогают ставить. Что скоро опять на работу заступит...

Когда-то и у меня была пневмония. Давно, на первом курсе педучилища. По утрам мама меня колола и отправляла на уроки. Боялись мы, что я отстану от сокурсников. Так что болезнь была перенесена на ногах. Может, конечно, в подростковом возрасте оно не так всё, как у взрослых дяденек и тетенок... но своего ребенка я так никогда не выпроваживала. Да гори она, та учёба! Поколение наших родителей было зациклено на образовании. Кому не довелось получить высшее, всю оставшуюся жизнь вздыхал с сожалением. Наше же поколение своим наглядным примером продемонстрировало истину: не в образовании счастье.

* * *

Когда меня тут оперировали, дали внутривенно какой-то укол. И я мгновенно поехала от этой анестезии. Натурально поехала. С нарастающей скоростью. Повторяя резкие повороты только что пройденного на каталке коридора из реанимации в операционную. (Если вас возили когда-нибудь так, головой вперёд, почти бегом, и вы при этом умудрялись не зажмуриться в испуге, боясь, чтоб вас не шандарахнули ненароком, въехав в угол или стенку, то вы меня поймете.) И кругом были стенки – из кафельных прямоугольников, белых с тонкими чёрными окантовками. Они быстро превращались

в грани полностью белого кубика-рубика. И сознание захлопывалось, сворачивалось с каждым новым поворотом. Как картонные коробки, которые ловко собирают одну за другой, делая нахлёсты. А потом моё имя, которое кто-то упорно повторял надо мной, перестало иметь смысл. «Ми-ра, Ми-ра...» Сначала это была Я. А потом просто какие-то непонятные звуки. Они тоже превратились в белые ячейки кубика. А ещё была тонкая пронзительная тишина. Беззвучность. Которая резала пространство как тонкий скальпель. И вдруг – стоп, машина! – всё остановилось. «Это смерть, это конец всему», – ощущение было именно такое. А когда свет начал возвращаться, я слышала только невнятный корейский рокот, в котором вдруг промелькнули английские фразы:

– Что за странная реакция на обезболивание...

– Слабая нервная система, коллега. Только и всего.

А я начала ругаться. Почти осознавая, что именно я говорю. И пытаюсь даже себя контролировать. Я же учительница всё-таки. Не грузчик. Нет, «мама» я не кричала. При чем тут мама? Отходняк мой сопровождали «бляха-муха», «ёперный театр», «ядрёна вошь» и прочие смягченные формы обценной лексики.

* * *

Это были два неровных куска черепашьего панциря, склеенные выпуклыми частями.

Эдакая двусторонняя двояковогнутая чаша. Кустарное изделие неведомого мастера, пепельница моего дяди, заядлого курильщика, она была загадочна и необъяснима. Внутренность – красноватая, лакированная, а внешние поверхности – натурального черепашьего цвета, зеленовато-коричневатые. Черепаху сначала убили (как?) Или она умерла своей смертью? А потом – хрясь! и расхе... разломиле её на две половинки... Как орех. В бывшей черепахе лежали окурки и обгорелые спички, и это сбивало с толку.

Мне вспомнилось где-то вычитанное. Как поступают с черепахами степные хищные птицы. Хватают и поднимаются ввысь. А оттуда роняют их на камни. Я бы не хотела видеть то, во что превращается бедная черепаха после своего первого и последнего полёта. Значит, её панцирь, кажущийся таким прочным, всё же очень хрупок. Черепаха малосимпатична. Змеиная головка, морщинистая шея, чешуйчатые драконьи лапки в миниатюре... Твёрдый ползающий камушек. Но она же ни в чём не виновата. «Уделал, как бог черепаху» – и кто это выдумал? Пусть бы ползала себе на воле, там, где ей нравится.

В нашей группе в детском саду было две черепашки. Кто-то из мальчишек выколол одной из них глаз. Карандашом или ручкой. Бессмысленная детская жестокость.

Что было потом, не помню. Возможно, черепаха умерла. И её превратили в пепельницу.... На одном форуме про оружие (!) мужчины обсуждают, как сделать из черепахи черенок ножа или ту же пепельницу. Такие штуки, оказывается, любовно выделявали завтрашние дембеля, проходящие службу в соответствующих географических зонах. Выделявали вместе с парадными альбомами в обложках из шинельного сукна с подвешенными блестящими гильзами. Да-а... Мужчины не брезгливы, это раз. Второе, они весьма и весьма хладнокровны. Там и про распилил болгаркой, и про выковыривание живой черепахи, и про раскаленный прут, коим кто-то когда-то кому-то посоветовал проткнуть несчастное животное, а оно потом... ну, не будем об этом... и про экспериментальную варку сдохнувшей домашней черепахи в условиях обычной кухни, и про муравьёв как лучших помощников

в деле избавления от внутренностей панциря... Бррр... Жесть. Бессмысленно-жестокое дети вырастают в таких вот остроумцев и хохмачей. Без морализаторства, но, правда – откуда они потом берутся, все эти тихие маньяки, домашние тираны, а также живодеры всех мастей? Да. «Все мы родом из детства».

И мне теперь не даёт покоя вопрос: какая же мрачная жутчайшая история лежит в основе сотворения той дядиной пепельницы?

Хотя, что это за двойные стандарты, чистоплюйство и ханжество? И далась же мне та черепаха! Дочка, помню, в детстве спрашивала: кто-то, мол, убил курочку, а мы теперь её будем есть? И говядиной она тоже интересовалась... И что же я, добрая и умная мама, ей сказала? Что человек в пищевой цепочке занимает верхнюю позицию. Что мы без мяса не можем. Что это белок. Что этих кур и коров специально и растят, чтоб мы их ели... Как там у Ильфа и Петрова, «людоедство под маской культуры»... Говорила, и понимала всю циничность произносимого. А тут, значицца, плач Ярославны о черепахе. Вот он, человек. Весь тут. Путаница в понятиях. Размытая шкала ценностей. Стремление осудить другого и оправдать себя...

Пусть он остаётся с ней, что уж ... Может, если бы я не притащилась, он бы вернулся как ни в чём не бывало? Но здесь иное. Они нашли друг друга. «На берегах этого теплого моря они с Василием обрели друг друга». А я просто старая глупая черепаха, которую спихнули с обрыва. А она пытается склеить себя, собрать по кусочкам рассыпавшиеся фрагменты...

Что для меня до сих пор была Корея? Наши казахстанские корейцы? Их салаты? Спаржа, морковь, картошка, ламинария, грибы... Особенно картошка. «Вам остроты добавить?» Раньше я говорила «да», теперь говорю «нет-нет, достаточно»... По молодости нам недостаёт остроты ощущений. А в зрелости хочется умеренности и покоя.

Так вот, картошка по-корейски... Как ни пытайся, такую дома не сделаешь. Вроде ингредиенты все на месте. А получается нечто иное. Может, даже вкуснее. Мягче. Ела её всегда с кайфом, уплетала за обе щеки... Когда возвращалась в юности из командировок, просила всегда маму приготовить именно её, корейскую картошку.

ЦОЙ. Ну конечно, ЦОЙ. Наше всё. И одноклассник-хулиган. Как и легенда позднесоветского рока, по матери – русский. А ещё соседи – Восток, дело тонкое. Очень обходительные. Дочка – джазовая певица, но по специальности экономист. Всегда с улыбкой. Никогда не видела её мрачной или насупленной...

Что мы себе ещё представляли? Что они едят собак. Палочками. И еще мы часто слышали эти вот слова, свидетельства их экономического прогресса: «Самсунг», «Элджи», «Хюндай».

...Картошки по-корейски я больше никогда не захочу.

Пусан – портовый город. Судостроение здесь типа градообразующей сферы экономики. Так что будь Мурат инженером-судостроителем, его голова бы здесь пригодилась. И КПД был бы выше. Но кто нас профилирует в юности? Кто выбирает нам наши дороги? Кой чёрт (или ангел?) формирует, выпекает наши гуманитарные души?

В Сеул я летела через Ташкент. Оттуда рейсовым автобусом до Пусана. Вряд ли я бы когда-то по собственной воле выбрала это туристическое на-

правление. Экзотические страны с экстремальной кухней меня никогда не привлекали.

Когда я её увидела, меня чуть отпустило вначале. Никакая. Абсолютно ни-ка-ка-я. И очень, ну очень похожа на кореянку. Длинные черные волосы заплетены в косу. Лицо почти без косметики. Невысокая и щуплая. Даже ма-нера держаться у неё какая-то не наша. Говорят, что разрез глаз у нас и у них отличается, так что при внимательном взгляде не спутать. Но все замечают, что в наших смешанных русско-корейских браках рождаются дети, похожие на красивых казахов. Увы, я не генетик и ничего в этом не смыслю. И вообще, мало в чем смыслю.... Полсотни лет – ума нет...

*«Для любви не названа цена,
лишь только жизнь одна...».*

Не могу найти в Интернете ту старую версию с виниловой пластинки. Всё не то, не то, какая-то Гагарина, другие голоса, не цепляет, не берёт. Да и оциф-рованный этот, стерильный звук с телефона не порождает такой эмпатии. Где же милый шорох, вкусное потрескивание, завораживающее медленное кру-жение глянцевого черного кругляша? Когда-то в юности, бывало, накатит этакое... Тогда я доставала «Юнону и Авось» и слушала часами, бесконечно возвращая иглу на одно и то же место, одну и ту же вещь. Вот эту, про дикий шиповник. И когда после ровненького куплета начинался припев на крещен-до, доводя до отчаянной кульминации, тут-то дамбу и прорывало. Так заме-чательно рыдалось под нее, так вольно. Никогда после я так не плакала. И вообще – не плакала. А сейчас бы ту пластиночку. Но нет ни ее, ни той депрес-сивной и ничего еще не видевшей девчонки...

Никогда не отпускайте от себя мужчину, которым дорожите. И никогда не цепляйтесь, если он вам не нужен. Только и могу, что изрекать прописные истины. Как этот учитель-доходяга из Чехова, который говорил лишь то, что всем давно известно. «Раньше вы были холостым человеком и жили один, а теперь вы женаты и будете жить вдвоём»...

Дверь тогда мне открыл он сам. Это был совсем другой, новый человек. А уж когда вышла, выплыла ОНА, и он этак ободряюще глянул в её сторону, всё стало ясно как день. Она держала его за корневую систему, крепко и виртуоз-но, это было очевидно. Натренировала руки-то, пианистка. И это ж надо было припереться в Корею, чтоб тут обрести своё женское счастье... В борьбе обре-тёшь ты право своё... А я? А я пожинаю плоды. Разве я его любила? Разве могла Я любить Его, такого простого, такого неинтересного? А на фига, спрашивается, ты замуж-то вышла? А вот. Все выходят, значит, и мне надо. Все рожают, значит, и я должна... Он мне нравился. И был удобен. Он оказался рядом в нужный мо-мент. А она ведь вся светится от переполняющего ее чувства.

Он прочитал всё по моему лицу. И просто, обыденно произнёс:

– Всё остаётся в силе, Мира. Деньги я буду скидывать, пока не погасится весь долг. За это ты не переживай.

– И что в тебе есть такого, девочка? – уходя, я решила прояснить для себя этот вопрос. Ладонь моя уже легла на ручку входной двери, и вопрос был риторическим.

– Простота, правда и естественность.... – Эта ловкачка не была так безответна, как мне сначала показалось. Она улыбалась. Себе и своему счастью. Блестела глазами. И цитировала композитора Глюка, грамотейка. Будь я не я, а страстная и темпераментная южанка с горячей кровью, что бы я сделала? Кинулась, разодрала бы ему морду в кровь? Выдрала бы ей её космы? Фу...

На это я, увы, не способна. Но было неприятно. Как после аборта. Стыдно, противно, неотвратно... И когда я пошла в свой хостел, слёзы обиды таки подступили к глазам. Если бы не эта разъедающая слизистую пелена слёзной мути, я бы, наверное, заметила и тот злополучный люк, и огромный, кричащий алым цветом предупреждающий знак. Если бы...

В детстве все мы, даже самые домашние и тихие, любим эксперименты. Когда мне было лет восемь, я привязала пояс от маминого халата к вертикальной трубе батареи, к так называемому «стояку». Забравшись на батарею и уперевшись в нее ногами, я раскачивалась, держась за пояс, на высоте около полутора метров. Это если считать от спины до пола. Приятное и волнующее ощущение. Зависание над пропастью. Надо ли говорить, что пояс вскоре – хоп! – и отвязался, а я, скалолазка, «всем прикладом», как говаривала колоритная героиня одной книжки, «хвостанулась и лежу». Первое ощущение было – не могу дышать. Не могу сделать вдох. Пытаюсь, но не получается. Разевает рыба рот, но не слышно, что поёт. Дома, кроме меня, был старший брат. Дембель двадцати двух лет. Услышал грохот, прибежал. А тут, значит, я. Распласталась. Мужчины, я повторюсь, хладнокровны. Он поднял меня и положил на кровать. Погладил по голове. Улыбнулся. И ушёл к себе. Понял, что сестрёнка жива и не помрёт. Ну и ладно. И воздух постепенно стал поступать в лёгкие.

На сей раз было иное. Была резкая вспышка боли. И темнота. Я провалилась глубоко. Но более или менее удачно. Проблем с дыханием не возникло. Потому что мне посчастливилось полностью отключиться.

*раздолбали черепаху на куски
чтоб избавить ее череп от тоски
и на каждом из осколков-черепков
прорисуеться узор из слёз и слов...*

А потом я пришла в себя. Меня выволокли на свет божий. Дико болело всё до последней клеточки, а ноги горели, как опаленные паяльной лампой. Кто-то отдалённым, но настойчивым голосом спросил, кому в списке моих телефонных контактов можно позвонить, и я назвала его имя... Надо сказать, он повел себя благородно. Что бы мог сделать другой неверный муж, охладевший к законной супруге и обретший гордую сексуальную независимость? Мог бы плюнуть, если бы был конченным мудаком. Но нет. Мурат всегда был правильным. Хорошим. «Хороший человек»... Замечали ли вы, что оборотной стороной мужской положительности обычно бывает некая амёбность? Инертность. Малоподвижность. Расплывчатость. Подругами жизни таких хороших парней обычно бывают стервозные и волевые дамочки. Противоположно заряженные частицы неуклонно тянутся друг к другу... И вот я лежу уже месяц, и его заработки уходят на моё лечение. Интересно, что об этом думает его пассия?

– Это тебе от Гульден, – говорит недавно экс-муженек и ставит на тумбочку пару маленьких термосов в прозрачном пакете. Сварила мне суп, чаю с молоком и сахаром навела.

– Супчик-то не из пёсика, часом?

Его покорило. Голову вскинул. Глазками сверкнул. Хотел, видать, резкость произнести. Но сдержался.

– Простой овощной бульон, тебе пока не надо мясного, так доктор сказал.

– М-м, как жаль... Но вы зря беспокоитесь. Тут хорошо кормят.

– Знаю я, как тут кормят. Смотри, с гастритом домой уедешь. А то и с язвой. Прободной.

– Фуу! Умеешь ты вселить оптимизм.

Хорошая какая токалка. Заботливая. А что? Может, будем жить вместе? И имена у нас похожи. Гульмира и Гульден. Прямо оранжерея. Пусть она вьет гнездо, варит, убирает. Ублажает его. Нет, глупость, конечно... Я знаю случаи, когда муж при живой жене уходит на сторону, и жена молча терпит. Это богатые люди. И жена молчаливым своим благословением покупает покой себе и детям, целостность официального брака, делает хорошую мину, сохраняя лицо перед его и своими родственниками...

Я задумчиво хлебала супчик, он был почти несолёный, как я люблю. И была в нём какая-то неясная нота. Какая-то лёгкая горчинка. Но и она была приятна. Мурат мне и хлеба принес, уже предусмотрительно нарезанного на кусочки. Сидел, ссутулившись, жалостливо наблюдая за мной.

– Может, тоже поешь? – спросила я. – За компанию.

– Нет, Мира, что ты. Я дома поел.

Он сам не понял, как ужасно оговорился. «Дома»... Я поперхнулась. Отставила термосок, на который с такой неосмотрительной жадностью накинулась было. Дура, вот дура-то... Горчинка... Токалка... А-а-а-а!..

– Ты чего, Мира?! – Мурат подскочил ко мне, губы его испуганно тряслись. – Тебе плохо, что ли?

– Ты... вы..., да вы с твоей этой... извести меня тут собрались! Караул! Хэлп ми! Меня отравили!

Мурат побледнел. Схватил меня за плечи и встряхнул.

– Мира, прекрати сейчас же. Ты в своём уме? – Он был, как всегда, рассудителен и уравновешен. Не то что я. – Это, знаешь ли, извинительно только в твоём нынешнем состоянии. Мыльных опер насмотрелась? Или триллеров начиталась?

Так, я явственно ощущаю боль в желудке. Меня тошнит. Дыхание сбивается... Тахикардия... О боже...

И тут я потеряла сознание.

* * *

Не хочется описывать, как всё было потом. Конечно, никто никого трахать не собирался. Мурат обиделся и перестал навещать свою байбише. Мне лень рассказывать о том, как долго и заунывно тянутся больничные дни. Процедуры, еда, сон. Опять еда, опять сон. Врагу не пожелаешь. Хотя, говорят, полезно остановиться и задуматься. Что ты и кто ты. Чем ты занималась всегда, для кого и для чего жила? Кому подарила радость? Кому облегчила существование? Из окна, в которое мне приходится смотреть часами, виден крошечный кусочек больничного двора. И маленькое, ровненькое, аккуратно подстриженное деревце. Не знаю, как оно называется. Я не вижу его нижней

части, не вижу того места, где ствол уходит в землю. Но точно знаю, как выглядит оно, это место. Это ровный кружочек чистенькой земли с методично выщипанной травкой в окружении брусчатки. Тут не бывает иначе. Каждый клочок почвы здесь обихожен, а большая её часть спрятана под ровнехонький, гладенький, как только что купленная бумага для принтера, асфальт. Или под эстетически безупречные, дочиста отмытые пазлы брусчатки. Дисциплинированное корейское дерево вызывает смешанные чувства. Удовлетворение и зависть. А мысли несут далеко-далеко. В места, где, куда ни глянь, километры-версты-мили никем не обработанной почвы. Между дворами, между кривоватыми асфальтовыми пятаками и лентами, между вкраплениями зачастую уже на старте щербатой брусчатки, наспех уложенной приезжими шабашниками, простирается вольная Степь. Точнее, её остатки. Ханство городских пустырей летом неизбежно зарастает бодро-жёлтыми одуванчиками, ядерной полынью, буйным бурьяном. Безудержно-капризный ветер вздымает и носит клубы пыли и миллионы микроскопических сорных семян, заставляя чихать несчастных аллергиков. А деревья у нас северные, неприхотливые. Те культурные саженцы, что поспешно воткнуты в землю нынешним человеком, выживают одно из тысячи. А те, что растут из самосева, изо всех сил цепляются за существование, как бы туго им тут ни приходилось. Жив ли тот неказистый клён моего детства? Он прилепился с краю двора, в перепаде уровней почвы, там, где асфальт резко обрывался и переходил в ещё теплящиеся домишки частного сектора с железными гаражами и щебёночными колдобинами.

Клён был маленький, жалкий и, наверное, довольно молодой. Жители юга не знают, как выглядят наши клёны. Это не карликовые деревца тундры, вовсе нет. И не вековечные дубы зелёные у лукоморья, в три обхвата толщиной. Наши деревья приземисты и неприхотливы, им достаётся мало света и тепла, их листья по форме лишь отдалённо напоминают классический кленовый лист «с картинки в моём букваре», а их стволы могут максимально лепиться друг к другу такими сиаемскими близнецами, толкаясь и вытесняя собратьев на участке земли размером с коровью лепешку. Как это у них получается? Как в случае с плохо прореженной морковью? Вероятно. Кто бы их тут прореживал. Как насеялись, так и растут. Мой клён рос прямо лишь до уровня полутора метров над землёй, а потом – вдруг! – совершал затейливый изгиб, длился своим заскорузлым стволом около метра почти горизонтально и опять упрямо устремлялся вверх. Это было моё место. Я иногда вскарабкивалась и сидела там, болтая ногами и мечтавая совсем о других деревьях. Высоких, прямых, с толстенькими стволами и могучими кронами. Представляла себя на недостижимой высоте, где меня никому не видно в маскировке густой листвы. Что бы это могло быть? Чинара? В моём городе их нет. И приходилось довольствоваться тем, что было в наличии. Молчаливым и верным приятелем-клёном с причудливо искривленным позвоночником ...

* * *

Как же всё-таки хорошо дома! Полгода выпали из жизни, но всё не напрасно. Сегодня иду подавать на развод. «Иду» – это, конечно, громко сказано. Ковыляю с тросточкой. Сейчас модна хохма про «Ажырасу тойы». Я сама отпраздную это ярчайшее событие своей жизни. А в отпуск поеду... нет, не во Францию. В Италию. Давно хотела. Отступные муженек скинул весьма приличные.

– Это не на квартиру, Мира. Потрать на себя. И не держи на меня зла.

Что ты, дорогой. Какое зло. Как хорошо, что я отправила тебя в Корею. Всё, в конце концов, только к лучшему в этом лучшем из миров. Дочка, кстати, замечательно отреагировала.

– Вы ведь совсем разные, ма... Я всегда, честно, не понимала, что ты в нём нашла?

Счастья тебе, дочь. Пусть тебе встретится истинная любовь. А не встретится, так и не надо. Не надо сделок, не надо компромиссов. Будь собой. Будь цельной, как сейчас. И не повторяй ошибок своей мамы.

* * *

В Италию поехать пока не довелось. Деньгигодились для другого. Знакомьтесь, перед вами новый индивидуальный предприниматель. Хозяйка собственного учебного центра. Среди родителей наших детей есть один вдовец. Дочка у него чем-то мою напоминает, в ее детские годы. Жена была – молодая и красивая, но умерла от онкологии. А он – моих лет. Занимается строительным бизнесом. Ребенок проводит время с нянями, которые меняются чуть ли не ежемесячно. Сегодня мы с ним идем в театр. Это ничего не означает. Рядовой культпоход. Что ж, и черепаха тоже может быть кому-то интересна. И не только в виде пепельницы.

*череп-черепаха-черепок
новой жизни тоненький росток...*

На этом дневник мой завершен. Спрячу его поглубже. Когда-нибудь в старости достану, смахну пыль. Перечитаю, оросив странички старческой слезой. А сейчас мне пора.

Ежегодная литературная премия

MECENAT.KZ

объявляет конкурс на ЛУЧШИЙ РОМАН о Казахстане

**Приглашаем всех авторов,
желающих принять участие**

**Подробную информацию вы можете
узнать на сайте mecenatkz.com**

mecenatkz.com